

Пока они предавались подобным раздумьям, подошел охранник и, склонившись, вполголоса проговорил:

— Ваше Высочество, прошу, будьте осторожнее. Здесь круглый год беспокойно, людей почти нет, а порой объявляются отряды татарских разбойников. Будет лучше поскорее вернуться в лагерь.

Шэнь Си мельком взглянул на него, и в его голосе прозвучало скрытое презрение:

— Земли здесь — земли Великого Чжоу, а я — князь Великого Чжоу. С какой стати мне, сидя на собственной кровати, страшиться воров? Если уж мы до такой степени боимся, не проще ли сразу отдать эти прекрасные края врагам, чтобы избавить себя от лишних тревог?

Охранник лишь выполнял свой долг, но, получив такой отпор, невольно расстроился. Ему хотелось возразить, но в присутствии князя Цзиня он не осмелился лишний раз открыть рот, поэтому, проглотив обиду, молча отступил в сторону.

Князь Цзинь знал, что у Шэнь Си гордый нрав и он говорит, не думая о последствиях, поэтому не стал сердиться, а терпеливо пояснил:

— Татары живут кочевничеством, народ они сильный, кони выносливые. И мужчины, и женщины, и даже дети — все искусные наездники и лучники. В пути они охотятся на любую дичь, что попадется, и питаются ею. Каждый из них — прирожденный кавалерист. В одном только этом наши ханьские мужи им уступают. Вот почему в последние годы татары так часто одерживают верх в сражениях с Великим Чжоу...

Шэнь Си натянуто усмехнулся:

— А почему они так часто одерживают верх? Да потому, что из поколения в поколение живут в суровых степях, где погода меняется в одно мгновение. Как только случается бедствие или мор, им нечем выживать, и они вынуждены приходить на наши земли, чтобы грабить имущество, зерно и скот. К тому же у татар нет таких строгих ритуалов и законов, как в нашем просвещенном государстве. Престол там переходит не от отца к сыну или от брата к брату, а достается тому, кто сильнее. И между племенами вечно идет вражда за пастбища, скот и рабов. Оттого и каждый их солдат — закаленный в боях, отчаянно храбрый воин.

— О? — Князь Цзинь задал вопрос, ответ на который и так знал. — Согласно твоим словам, Няньцин, ты винишь подданных нашего Великого Чжоу в том, что они живут слишком беззаботно?

Шэнь Си медленно покачал головой и вздохнул:

— Беззаботная жизнь народа — это основа процветания нашего государства. Но если вельможи, влиятельные чиновники и двор живут в неге, не значит ли это, что мы просто кормим кучку дармоедов, прожигающих жалованье правителя? Судьба страны зависит от бедствий, а гибнет она в неге. Не будем заглядывать далеко: сколько в управлении левого главнокомандующего развелось тех, кто лишь разглагольствует на бумаге, а сами только и знают, что набивать брюхо? Некоторые из них не то что на поле боя не бывали, им даже в

седло садиться нужно с чужой помощью. А левый воевода Гу Минчжан и вовсе, пользуясь лишь своей смазливой внешностью, удостоился от нынешнего императора похвалы как жемчужина и нефрит, и с тех пор его карьера стремительно идет в гору. Разве могут люди, чьими руками вершатся военные дела Великого Чжоу, не быть разгромлены татарами?

Слова эти были отчасти верны, но князя Цзиня они поставили в неловкое положение. Если говорить о том, кто живет в роскоши и неге больше всех, так это он сам.

Хоть князю Цзиню уже перевалило за тридцать, он отлично следил за собой: его внешность и стать не уступали юношам. В быту он был разборчив до крайности: одежду носил только из хучжоуского шелка, писал чернилами из Хуэйчжоу, что источают аромат, проникающий в самые кости, пил чай из Уи, лучший в мире, и ел утку по-цзиньлински с ароматами шести династий... Не было в этом мире такой диковинки, которой не вкусил бы князь Цзинь.

Подумав о том, как этот мальчишка без обиняков приклеил ему ярлык дармоеда, князь не удержался, оглядел себя с ног до головы и расхохотался: с моей статью, даже будучи дармоедом, я остаюсь лучшим из них — расшитым золотыми нитями, украшенным нефритовыми пуговицами, эталонным мешком для вина и сосудом для риса...

В отличие от самодовольного князя, эта картина вызвала у Шэнь Си легкую печаль. Жизнь коротка, в конце пути всех ждет один финал — богат ли ты или беден. Неужели ему суждено так и прозябать в поместье, исполняя роль приемного сына князя Цзиня? Он жаждал звона боевых гонгов, лязга стали и конских копыт, а не нефритовых башен, звуков флейты и тепла шелковых полов. Увы, ныне лишь пески подобны снегу, луна — инею, а путь к родному дому скрыт в тумане...

Когда они стояли, погруженные в молчание, из зарослей дикой травы в нескольких шагах послышался шорох. Охранники мигом выхватили мечи, окружили князя плотным кольцом, а несколько человек, насторожившись, двинулись к зарослям. Раздвинув кустарник, они увидели среди камней двух красных лисиц — большую и маленькую.

Похоже, это были мать и детеныш. Большая лиса давно была мертва, тело ее окоченело, а под ним виднелись засохшие пятна крови. Маленькая, рожденная, видимо, совсем недавно, была лишь немногим больше мужской ладони: с белым брюшком, блестящими глазками и ярко-красной, как огонь, шерсткой. Увидев людей, зверек в ужасе задрожал и начал пятиться к матери, но та не подавала признаков жизни. Безысходность заставила его применить прием мнимой смерти — он перевернулся на спину, поджав лапки, в надежде спастись.

Убедившись, что, кроме лисенка, других зверей нет, охранники расслабились и вышли из зарослей. Шэнь Си постоял, неподвижно глядя на них, а затем вернулся к князю.

Видя, что время позднее, все оседлали коней и двинулись назад. Через некоторое время князь оглянулся и с удивлением обнаружил, что Шэнь Си снова исчез. Опролил своих людей, но

никто не заметил его ухода. Не успел князь решить, что делать, как Шэнь Си нагнал их, выглядя как ни в чем не бывало. Князь не стал задавать лишних вопросов.

По прибытии в лагерь слуги уже накрыли изысканный стол. В этот раз, чтобы Шэнь Си не остался голодным, порцию приготовили на троих.

Князь пригласил Шэнь Си разделить трапезу, тот не отказался. Заняв места, они молча принялись за еду. В отличие от Шэнь Си, который сметал всё с тарелок, князь всегда ел изящно, не торопясь. В какой-то момент он поднял взгляд на Шэнь Си и не понял: то ли показалось, то ли он ошибся — передняя пола халата Шэнь Си едва заметно шевельнулась. Спустя мгновение он снова бросил взгляд и изумился еще больше: из-под распахнутого ворота показался пучок огненно-рыжего меха! Неужели он спрятал там лисенка?

Князь лишь усмехнулся про себя, проглотив вопрос вместе с едой. Недаром этот парень по пути назад бесследно пропадал — оказывается, воспользовался случаем, чтобы подобрать лисенка. Наверное, побоялся насмешек, что он такой большой и статный, а сердце у него девичье, вот и смолчал. Раз уж он не хочет говорить, лучше притвориться, что ничего не знаешь. Одно пугало: если в поместье теперь будет пахнуть лисьей мочой, неизвестно, сколько дорогих благовоний уйдет на то, чтобы перебить этот запах...

После ужина слуги поднесли чаши с водой для полоскания рта, а затем подали два чая.

Видя, что князь сидит и неспешно наслаждается чаем, Шэнь Си, сославшись на то, что переел и хочет прогуляться, выскользнул из шатра. Он нагнал слугу, отвечавшего за уборку посуды, прошептал ему пару слов, а затем забрал поднос с остатками вина и еды и направился в тихую рощу у дороги.

Хотя ночь была глубокой, вдалеке, на открытом месте, горели костры, чей оранжевый свет, танцуя на ветру, согревал всё вокруг.

Шэнь Си сел на траву за деревом, вытащил лисенка из-за пазухи, осторожно опустил его перед собой и поставил поднос с едой. Он выбрал блюдце с паровой курицей, подвинул его к зверьку и жестом пригласил отведать. Лисенка все еще била дрожь, он сжался в комок и не смел шелохнуться. Шэнь Си не торопился, прикладываясь к вину из фляги.

Спустя долгое время лисенок набрался храбрости, высунул мордочку и принялся. Видимо, из-за возраста он был не таким осторожным, как взрослые лисы, да и запах курицы оказался сильнее страха. Он переставлял лапки, пододвигаясь всё ближе и ближе, и, убедившись, что от Шэнь Си опасности нет, полностью потерял бдительность, бросился к блюдцу и начал жадно жевать.

Шэнь Си отпил вина и полусушня спросил:

— Меня зовут Шэнь Си, второе имя — Няньцин, я пятый в семье. А как зовут моего юного брата?

Лисенок был занят едой и даже не посмотрел на него.

Шэнь Си глуповато улыбнулся и серьезно произнес:

— Раз уж брат не хочет говорить, я решу за тебя... Вижу, шерсть у тебя красная с белым, гладкая и блестящая, как глазурь, так пусть тебя зовут Люли, хорошо?

Лисенок не понял смысла, лишь от любопытства дернул пушистым хвостом и слабо тявкнул в ответ.

— Не стоит благодарности, — продолжил Шэнь Си диалог с лисом, — скажи, братец Люли, ты здешний?

Когда курица была съедена, лисенок уставился на Шэнь Си черными бусинками глаз.

Шэнь Си капнул несколько капель вина из фляги в тарелку и подвинул лисенку:

— Мы проездом, держим путь в Цзиньюань. Раз уж ты остался один, пойдем вместе, будем друг другу подмогой.

Лисенок с глупым видом повозился с тарелкой, слизал вино до капли и, сидя напротив, захлопал глазами. Через мгновение его веки стали тяжелеть, тело обмякло, он покачнулся и вдруг, свалившись на бок, крепко уснул.

Шэнь Си опешил, а затем с досадой проворчал:

— Эх, братец, негоже мужчине иметь такую слабую голову!

Услышав это, князь Цзинь, подслушивавший из-за дерева неподалеку, не удержался и прыснул со смеху.

Когда карета въехала в границы Цзиньюаня, все вздохнули с облегчением. Охранники, чьи лица напоминали стальные плиты, немного расслабились, а солдаты стали мягче хлестать коней. У городских ворот Цзиньян их уже ждали правитель двора Сунь Рушан, главный евнух Ху Буси, командиры охраны Чжан Шицзе и Чжань Шитай, а также помощники командира Тань Тяньмин и Тань Тяньлян.

Выезд князя Цзиня по пышности уступал лишь императорскому. Красные зонты, зеленые

расшитые веера, красные таблички, знамена с головами драконов, золотые гонги и медные рога — всё это создавало оглушительный шум. Карета медленно остановилась у главных ворот поместья. Князь сидел неподвижно, пока слуги не приставили к дверце красную лесенку, украшенную золотыми узорами. Только когда главный евнух Ху Буси склонился и протянул ему руку, князь, опираясь на него, плавно спустился вниз, и, даже не успев коснуться земли, пересел в паланкин, который несли восемь человек.

Ведь он вернулся в Цзинъюань якобы из-за внезапной болезни ног, и, даже если все понимали, что это лишь предлог, нужно было соблюсти приличия.

Все судачили о том, что в районе Нинчэна князь взял себе нового приемного сына, и гадали, что же это за человек, раз князь даже в разгар военных действий не забывал об увеселениях.

Пока Ху Буси помогал князю выйти, он украдкой заглянул в карету и мельком увидел Шэнь Си в старой одежде и с узелком из грубой ткани. Взгляд евнуха тотчас отпрянул, словно он увидел нечто грязное, от чего можно оскверниться.

Этот господин Шэнь был до крайности... заурядным. Хотя черты лица нельзя было назвать уродливыми, и ростом он не обделен, но во всем его облике не чувствовалось стати. Винить в этом можно было лишь то, что в поместье князя было полно прекрасных юношей — один краше другого, изящных, одаренных, словно небожители. По сравнению с ними этот новый фаворит был лишь смуглым, молчаливым простаком, от которого даже веяло деревенской грубостью.

Как только князь принял ванну, переоделся и прилег отдохнуть, Ху Буси посеменил готовить банкет в честь прибытия. Миновав галерею, он увидел Гу Чжоцзы и Сунь Рушана, которые шли и о чем-то спорили. Ху Буси поспешил сменить выражение лица на лъстивое:

— Господин Гу, господин Сунь, приветствую вас.

Поздоровавшись, он таинственно придвинулся к уху Гу Чжоцзы и ележным голосом спросил:

— Господин Гу, вы пользуетесь безграничным доверием князя, всегда находитесь при нем, наверняка вам всё известно. Кто этот господин Шэнь и какой вес он имеет в сердце князя? Не просветите ли вы меня?

Гу Чжоцзы прикрыл половину лица веером и, опустив глаза, улыбнулся:

— Самый доверенный человек князя — это вы, господин Ху, куда мне тягаться с вами. А что касается этого господина Шэня, разве он не новый приемный сын князя? На мой взгляд, достаточно просто оказать ему должные почести.

Слова его были ни о чем. Стоявший рядом простодушный Сунь Рушан тоже не выдержал любопытства:

— А-Юань, судя по внешности и поведению этого господина Шэня, неужели князь решил сменить вкусы?

— Разве нам дано постичь мысли князя? — Гу Чжоцзы оставил на губах загадочную улыбку и ушел вместе с Сунь Рушаном.

Когда их фигуры скрылись в конце коридора, Ху Буси с остервенением плюнул на землю:

— Тьфу, что за наглость! Сами даже нормального чина не имеют, а передо мной важничают!

Перед банкетом Ху Буси, согласно приказу, повел Шэнь Си осматривать поместье и попутно познакомил с несколькими юношами, которые также были приемными сыновьями князя.

В каждом месте, куда они приходили, юноши тайком совали Ху Буси деньги. Если сумма была большой, он расплывался в улыбке и притворно отнекивался:

— Что вы, что вы, вы меня совсем смущаете, — но деньги принимал с чистой совестью.

Если давали мало, он точно так же с натянутой улыбкой прятал монеты за пазуху, а отойдя подальше, сплевывал на землю и растирал плевок ногой:

— Тьфу, жадюги! С такой скупостью еще надеются на успех? Мечтайте!

Скосив глаза на Шэнь Си, он решил зайти с другой стороны:

— Скоро будет пир, все господа хотят сесть поближе к князю, а мест там всего два. Это же такая головная боль для меня, эх, всё зависит от того, кто окажется поумнее...

Видя, что Шэнь Си будто не слышит его и продолжает наслаждаться видами сада, он повысил голос:

— Не думайте, что это просто место. Сидеть далеко или близко — большая разница. Князь для нашего поместья — что небо, а кто ближе к небу, тот и властью обладает.

Шэнь Си хоть и не был силен в житейских хитростях, дураком не был. Ху Буси откровенно выпрашивал у него подношение. И даже если бы он захотел воспользоваться влиянием князя, он не позволил бы какому-то скользкому евнуху диктовать свои условия. Чем больше Ху Буси намекал, тем больше Шэнь Си прикидывался дурачком, в конце концов даже приложил листик к губам и принялся наигрывать незамысловатую степную мелодию.

Банкет князя был полон цветов и красок. Помимо приближенных, таких как Сунь Рушан и Гу Чжоцзы, вокруг сидели изящные юноши. В ароматах вина и еды чувствовался густой запах пудры.

По правую и левую руку от князя сидели Гэ Сяобай, первый талант Цзиньюаня, и красавец Чжан Цзиньюй, прозванный маленьким Сун Юем. Князь то забавлялся с одним, то ублажал другого, никого не обделяя вниманием. Что же до Шэнь Си, то, поскольку он не «купил» расположение Ху Буси, его усадили в самый дальний угол.

Среди гостей был знаменитый на всю страну музыкант Цзян Юньшэн. Князь не разговаривал с ним много, но в каждом его жесте читались забота и нежность. Когда Цзян Юньшэн слегка кашлянул, князь тут же приказал подать ему свой собственный плащ, и, казалось, если бы не «больные ноги», он бы непременно сам накинул его на плечи музыканта. Гэ Сяобай и Чжан Цзиньюй при виде этого недовольно закатили глаза, а один даже прильнул к князю, хихикая и пытаясь привлечь к себе внимание.

Шэнь Си наблюдал за происходящим и чувствовал горькое разочарование. Несколько дней общения с князем заставили его изменить свое мнение: он думал, что перед ним искренний и прямой человек, обладающий той самой «истинной свободой духа», присущей мудрецам древности, и все слухи о его распутстве списал на людскую молву. Кто же знал, что сегодня он увидит, как князь приблизил к себе такого подлеца, как Ху Буси, и находит удовольствие в том, что мужчины бросаются ему на шею, заискивая перед ним. Видимо, он всё же ошибся в нем.

Непонятно почему, но внутри Шэнь Си закипела какая-то муть, настроение испортилось. Его лицо, и без того смуглое, стало еще мрачнее, и даже служанки, подававшие вино и еду, трепетали от страха, стараясь быть осторожнее.

Поскольку Шэнь Си был гостем необычным, все украдкой наблюдали за ним. Но он игнорировал все взгляды, спокойно пил и ел, ни с кем не заводил бесед и не пытался угодить князю. Как только тарелки опустели, а в кувшине не осталось ни капли вина, он поднялся, сложил руки перед грудью в знак почтения и, сославшись на легкое недомогание, откланялся.

Люди смотрели на его пустые тарелки, а затем на широкую спину уходящего Шэнь Си, и в сердцах их росло недоумение. Лишь князь Цзинь почувствовал легкое удовлетворение: похоже, этого чернотелого парня всё же волнует, каков я на самом деле, а это уже неплохо.

Ху Буси, стоявший рядом, видя, как Шэнь Си уходит с гордо поднятой головой, не удержался и склонился к уху князя, нашептывая:

— Этот господин Шэнь слишком уж высокомерен, никого в упор не видит! Он что, думает, наше поместье — это базарная площадь? Может, позвольте мне привести людей и проучить его, показать, что такое правила...

Князь Цзинь лишь лениво приподнял брови:

— Для каждой птицы свой подход. Воробышка держат в клетке, чтобы он учился танцевать, попуга связывают и заставляют повторять слова, ну а орла, конечно, нужно отпускать в небо...

В глазах князя Цзиня «блистать» означало вовсе не иметь смазливое личико. Посмотрите на

этих мужчин: сидят, суется, интригуют ради крох внимания — какая же это доблесть? В глазах у них ни страны, ни народа, в сердце — ни гор, ни рек, ни великих стремлений. Разве это широта души?

Печально, что маленький император думает, будто мне, Вэй Люю, действительно нравятся такие вот жеманные, как девицы, субъекты. Он раз за разом присылает их ко мне, чтобы следить и строить козни. А мне приходится притворяться, что я от них без ума, иначе как заставить императора поверить в ту дезинформацию, которую я скормливаю ему через этих «красавчиков»? Враг прислал охотничьего пса, прикинувшегося овцой, — что ж, отправлю ему в пасть отравленного фазана. Это и называется: использовать хитрость против хитрости.

Ху Буси всё больше вникал в слова князя и понимал, что что-то здесь не так, поэтому поспешно отвесил себе легкую пощечину:

— Ой, точно, орел, настоящий орел! Мои глаза — просто камни, которые под ножку стола подложить не жалко, как же я не разглядел настоящее сокровище в дешевой оправе!

Всякий раз, видя это бесстыдство, князь не мог сдержать улыбки. Ху Буси был подлецом, привыкшим к мелким пакостям, но делал он это так неуклюже, что скрыть свои мысли от князя Цзиня не мог.

<http://bllate.org/book/21936/2279018>